

О чем рассказали письма

— А вы сколько подбили? — спросил подполковник, улыбаясь. Он уже знал подробности боя истекшего дня.

Я перелистываю письма давних лет. Пожелтевшие от времени, они несут еще следы гарн, пота и крови. Поблекшие, едва различимые подписи, сделанные простым карандашом натруженными, не гнущимися от усталости солдатскими руками. Письма с фронта.

Это вот письмо бойцов, командиров, политработников противотанкового артиллерийского полка. Оно адресовано «славному боевому товарищу» в госпиталь, где находился на излечении после тяжелого ранения Мовсес Паплиян. Они сообщают, что за героизм, проявленное Паплияном и сержантом Шмуклером, оба воина награждены высокими государственными наградами.

В другом письме, подписанном комиссаром полка Дедневым, командиром полка Дюрба, секретарем партбюро Исаевым и красноармейцами Златченко, Каневским и Ивановым, командование, парторганизация, бойцы, командиры и политработники 1174-го артиллерийского полка сообщают семье лейтенанта Паплияна о его героическом подвиге. Воины благодарят родных героя за то, что они воспитали смелого, мужественного солдата, и клятвенно заверяют, что будут следовать его примеру.

Письмо написано по поручению митинга воинов полка.

Да, очевидно, на каком-то участке фронта произошло очень важное событие, что-то большое, решающее. Ведь это не просто письмо к родным, акт внимания к раненому бойцу. По такому поводу не созывают митингов на поле боя.

Какой же подвиг совершил Мовсес Паплиян?

Нас это заинтересовало. Из дальнейших поисков выяснилось, что письмо относится к осени 1942 года; место действия — Северный Кавказ, район Моздока.

...В предгорьях Кавказа шли кровопролитные бои. Гитлеровские войска пробивались на западе до Новороссийска, на востоке — до Моздока, на юге, в горах — до Эльбруса. Истекая кровью, враг оголено рвался вперед.

Немецко-фашистские полчища форсировали водную преграду — реку Терек и сосредоточили крупные танковые и механизированные части в предгорьях Кавказа. Казалось, путь к Грозному и Баку открыт.

Здесь, на узкой полосе земли, в долине Терека разыгрались драматические события.

1174-й ИПТАП располагался в селениях Воскресенске, Зильге, Малгобек. Разведка уже 5 сентября 1942 года донесла, что противник сосредоточивает большие силы танковых и механизированных частей в долине р. Терек. Обстановка диктовала необходимость принятия смелого, неожиданного для врага решения.

И вот темной ночью 6 сентября 1942 года втайне от врага из селений были выведены две противотанковые батареи 45 и 76-мм орудий. Батарея капитана Бриля, куда входил взвод лейтенанта Паплияна, получила задание максимально приблизиться к месту скопления танков противника и ударить по ним во фланг прямой наводкой.

Батарея 45-мм орудий была поставлена задача занять огневые позиции в плантации подсолнечника.

Двое суток скрывались расчеты орудий в кустах, не видимые врагу.

На третий день на дороге, идущей вдоль берега Терека, от переправы у Моздока появились клубы пыли и черные тела машин, которые, постепенно приближаясь,

увеличивались в размерах, наполняя воздух шумом и лязгом гусениц, отработанным газом и грохотом выстрелов... Враг начал наступление.

Лейтенант определил цели. Раздалась команда: «По танкам противника... Огонь!» Загремели выстрелы. Головной танк остановился, объятый огнем.

Если до этого взвод Паплияна был невидим для врага, то, открыв огонь из орудий, он демаскировал себя, и лавина из 38 танков, гремя гусеницами, двинулась на позиции взвода. Создалось тяжелое положение. Вражеский снаряд взорвался между станинами орудия, выведя из строя весь расчет. Орудие замолчало. Паплиян становится за панораму и один ведет бой.

В этой неравной схватке Мовсес Паплиян, сражаясь против лавины танков, подбил 8 машин врага. Объятые огнем, с подбитыми гусеницами, они остановились. Идущие за ними замедлили ход. В боевых порядках противника началась паника.

Бой продолжался. Вражеские танки, перестроившись, продолжали насаждать на одинокое орудие. Словно град, стучали по щиту пули, вблизи рвались снаряды.

Кончились снаряды. Лейтенант бросился к месту, где хранились боеприпасы, и, напрягая последние силы, потащил за собой ящик со снарядами.

Орудие снова заговорило.

В какой-то момент лейтенанта обдало жаром, кровь залила глаза, острая боль пронзила левую руку. Лейтенант плохо различал цель. Он был ранен в голову и руку.

Выпущены последние два снаряда. Загорелся еще один тяжелый танк. Но замолчало и второе орудие взвода, стрелявшее из отда-

ления. Командир орудия бросился к лейтенанту, но упал раненый. Он только успел прокричать:

— Бронебойные снаряды кончились...

— Стреляйте шрапнелью, — последовал приказ. Лейтенант понимал — прекращать огонь нельзя.

Попытка врага прорваться к дороге на Грозный была сорвана. Путь преградили орудия взвода лейтенанта Паплияна.

Солнце клонилось к закату, острые лучи его скользили по задымленным склонам узкой долины, лежащей у подножия Кавказских гор.

Лейтенант доложил командиру:

— Товарищ подполковник, атака противника отражена. Подбито и сожжено 12 танков.

— Не знаю, не считал, — смущенно ответил Паплиян.

...Мы ведем неторопливую беседу. Вспоминаем пережитое. Ничто не забыто. Никто не забыт. Грудь Мовсеса Павловича Паплияна украшает высшая правительственная награда — орден Ленина.

— Да, о многом хотелось бы вспомнить, — тихо говорит он. — Но больше всего я был бы счастлив, если бы удалось найти своих боевых друзей.

Ну что же, будем надеяться. Может быть, друзья и участники великой битвы в предгорьях Кавказа откликнутся на живой голос своего однополчанина.

И. МАРИНИН.